

ПЕДАГОГИКА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Малахова Надежда Васильевна

учитель

МАОУ «СОШ №14»

г. Кемерово, Кемеровская область

ОБРАЗЫ-МОТИВЫ В «ПАНАЕВСКОМ» ЦИКЛЕ Н.А. НЕКРАСОВА

Аннотация: данная статья предназначена для учителей русского языка и литературы. В статье автор раскрывает понятие «лирический цикл», рассматривает образы-мотивы в творчестве Некрасова.

Ключевые слова: цикл, образ, мотив.

«Панаевский» цикл Н.А.Некрасова относится к лирическим циклам. Под лирическим циклом обычно подразумевается группа стихотворений, составленная и объединенная самим автором или читателями, чаще всего имеющая одни и те же образы-персонажи, темы и мотивы, и представляющая собой литературное целое.

Границы между произведениями в цикле не всегда обладают полнотой определенности, порой они оказываются подвижными. Существуют циклы стихов и рассказов, романные дилогии, трилогии. Подобные текстовые образования являются, прежде всего, группами, рядами произведений. Группировка и компоновка автором ранее созданного может оказаться весьма значимой в составе его деятельности: истолкованием собственного творчества, актом самопознания, своего рода исповедь.

Магистралью лирического творчества является лирический цикл не ролевой, а автопсихологический: стихотворения, являющие собой акт прямого самовыражения поэта. Читателю дороги человеческая подлинность лирического переживания, прямое присутствие в стихотворении, по словам В.Ф. Ходасевича, «живой души поэта». В лирическом цикле его доминирующей ветви присуща

чарующая непосредственность самораскрытия автора, «распахнутость» его внутреннего мира.

Особую группу не авторских циклических образований составляют циклы, получившие название *несобранных*. Они выделяются в творчестве того или иного поэта на основании объединяющего принципа читательского восприятия, связанного нередко с биографией поэта. Также циклические образования чаще всего получают именные определения: «денисьевский» цикл Ф.И. Тютчева, «утинский» цикл К. Павловой, «панаевский» цикл Н.А. Некрасова и т. п. Конечно, само понятие цикла в отношении таких образований употребляют с известной долей условности. Однако подобные циклы нельзя считать лишь результатом объективного читательского восприятия и, следовательно, совершенно свободными от объективных связей. Ведь в понятие «панаевского» цикла Некрасова не включается вся любовная лирика поэта 1850х годов, так же, как и не включаются и все стихотворения, биографически связанные с А.Я. Панаевой.

Первостепенную роль в этом цикле приобретают такие произведения, которые так или иначе развивают или варьируют формулу некрасовской любви как «незаконного романа» («О, письма женщины нам милой...», «Прости...»).

Составление автором циклов порой становится существенной гранью его творчества. Так, Н.А. Некрасов объединил свои стихи, которые считал наиболее значимыми, в цикл, который был назван «панаевским».

Все любовные признания поэта были по существу посвящены его единственной музе – Авдотье Яковлевне Панаевой, хотя писались они не только на протяжении многих лет их трудного, «незаконного романа», но даже и после его окончания.

В 1845 году И.И. Панаев становится владельцем журнала «Современник», редактором этого журнала был назначен Н.А. Некрасов. По делам «Современника» Некрасов почти ежедневно бывал в доме Панаевых.

Страсть вспыхнула внезапно и освятила его одинокую, труженическую жизнь. День встречи с Панаевой Некрасов называет самым «счастливым днем», от которого он начинает отсчет своей настоящей жизни. Панаева была замужем,

и поэт долго боролся с охватившим его чувством, но бесполезно... Влечение было обоюдным. В 1846 Некрасов вступает в гражданский брак с Авдотьей Яковлевной и поселяется в одном доме с ними, где и находилась редакция «Современника». Здесь прошли счастливые и мучительные 15 лет их жизни. И хотя документальных свидетельств почти не сохранилось: письма Некрасова Панаева сожгла, осталось лишь одно письмо к ней и четыре её письма, мы можем по стихам Некрасова восстановить весь этот необычный «роман».

Можно отметить несколько стихотворений, в которых любовная тема дана вполне традиционно – здесь уместно вспомнить замечание Ю.М. Лотмана по поводу поведения Пушкина в любви и его любовной лирики: «Именно потому, что любовные отношения между людьми – область слишком ответственная, в которой незначительные оттенки выражения получают серьёзное значение, здесь особенно удобны и держатся дольше привычные, готовые, ритуализованные формулы и стилистические штампы. Искреннее чувство Пушкина к А.П. Керн, когда его надо было выразить на бумаге, характерно трансформировалось в соответствии с условными формулами любовно-поэтического ритуала» [3, с. 129]. И некоторые стихотворения Некрасова – «Пуская мечтатели осмеяны давно...», «Ты всегда хороша несравненно...» (здесь главное – обновление и пробуждение в любви), «Три элегии» – написаны вполне традиционно.

Большая часть любовных стихов поэта – от «Если мучительной страстью мятежной...» (1847) до «Прости» (1856) входят в так называемый панаевский цикл. Сравнивая эти стихотворения с тютчевскими, Н.Н. Скатов пишет, что «незаконный» характер любви ставил героев Тютчева и Некрасова «в положение необычное, кризисное» [4, с. 131]. При этом у Некрасова – в стихотворении «Когда говорит в твоей крови...» (стихотворение появилось в составе романа «Три страны света», написанном вместе с А.Я. Панаевой) – это положение подается

вполне в духе и лексике времени:

*Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи – пока есть время -
Свободный, по сердцу союз.*

Любовь у Некрасова почти никогда не бывает счастливой – почти всегда рядом ревность, «ужасные, жестокие, неправые упрёки», «паденье», «тоска», «унынье», «слёзы». Постоянно присутствует разлука, разрыв – то, как предчувствие («Не торопи разлуки неизбежной, // И без того она недалека...»), то, как уже свершившийся факт: «Да, наша жизнь текла мятежно...», «Давно отвергнутый тобою...», «Ты меня отослала далеко».

Б.О. Корман видит в лирике Некрасова «социальное объяснение биографии и характеров героев» [2, с. 300]. В значительной степени это так и есть: в «Еду ли ночью...», в «Застенчивости», в стихотворении «Когда из мрака заблуждения...» многое связано именно с социальными обстоятельствами персонажей. Но в панаевском цикле нет ни «одного намека» на социальные обстоятельства – есть близость к психологической изощренности [4, с. 131]. На первом плане здесь – женский характер:

Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И, как верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!

(«Да, наша жизнь текла мятежно...») – это обращение к возлюбленной в разлуке с нею; «Пока еще застенчиво и нежно // Свидание продлить желаешь ты» («я не люблю иронии твоей...») сменяется «Лицо без мысли, полное смятенья, // Сухие, напряженные глаза» женщины, потерявшей ребенка («поражена потерей невозвратной...»); «суровое, короткое и сухое письмо», заставившее героя плакать, оказывается шуткой («Так это шутка? Милая моя...»); в стихотворении «Тяжёлый крест достался ей на долю...» героиня угнетена, пуглива и грустна», но не может возразить на жестокие «язвительные речи» героя...

Основной чертой героини панаевского цикла Н.Н. Скотов называет «мятежность»[4, с. 133]. Традиционный мотив любовной лирики – *воспоминание, обращение к прошлому* присутствует

1) в стихотворении «Возлюбленному» За счастье сердца моего

Томим боязнию ревнивой,

Не допуская я никого

В тайник души моей стыдливой;

2) в стихотворениях: «Давно, отвергнутый тобою...» (то же противопоставление прошлого счастья нынешнему одиночеству); «Еду ли ночью по улице темной...», «Прости», «Прощание» и «Я посетил твоё кладбище...», сочетаясь с мотивом сожаления о прошлой и неоцененной любви [4, с. 126]. Стихотворение «Горячие письма» можно сравнить с Пушкинским «Сожженым письмом», а последние строки «О письма женщины, нам милой...» совпадают с окончанием стихотворения «Прощание», при жизни поэта не печатавшегося.

Некрасову принадлежит формула «проза любви», как пишет Н.Н. Скотов, «эта проза состоит не в особой приверженности к быту, к дрязгам»; это далеко не романтический мир «сложных, «достоевских» страстей, ревности, самоутверждения и «самоугрызения» [4, с. 132].

Мотив воспоминания прослеживается в стихотворении «Пускай мечтатели осмеяны давно...». Автор связывает грусть о прошлом с *образом луны*. Образ луны в русской литературе был популярен в эпохи сентиментализма и романтизма. До этого о луне можно было говорить как о фольклорном образе. Луна – это реалистический образ, хотя писатели – реалисты уделяли ей крайне мало внимания. Образ луны наиболее характерен для поэзии А.А. Фета, К.К. Случевского, К.М. Фофанова. В этом контексте выделяется Н.А. Некрасов.

В поэзии Н.А. Некрасова образ луны настолько значим, что через него передается духовный мир героя. Детали, привлекшие внимание не случайны: выхваченные из тьмы мистическим лунным светом, они в большей или меньшей

степени претендуют на роль *образа – мотива*: «...И даже иногда вечернею порой, // Любаясь бледною и грустную луной, // Припомнить тот сад, ту темную аллею, // Откуда мы луной пленялись вместе с нею...».

Луна здесь высвечивает не бытовые реалии, в которых у Тургенева и Чехова проявлялась психологическая и лирическая составляющая, а воспоминания прошлого. Описанное воспоминание, длящееся всего, может быть, мгновение, позволяет понять душевную муку и отраду в часы разлуки во время припоминания «тихого вечера и прелести луны, // влюбленные глаза друг к другу обращали // И в долгий поцелуй уста свои сливали...».

В ряду других Некрасов особо выделил стихотворение 1838 года «Я посетил твое кладбище...», в котором прослеживается мотив одиночества:

Стою один, как на кладбище
Прошедших невозвратных дней,
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.

Некрасов дает оригинальную разработку. Он относит это стихотворение к тем, «в которых к мастерской картине природы присоединяется мысль, постороннее чувство, воспоминание». Некрасов вообще оставляет природу, и весь устремляется в это чувство.

Образ человека стал шире: идя от мотивов страдания, уныния, поэт выходит к общему и более высокому:

Среди моих трудов досадных
И жалких юности тревог
Минут немного благодатных
С тобою проводить я мог,
Но чаще, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли мрачных дум...

Фраза «под игом молчаливой скуки», которая заменила первоначально бывшую «с запасом молчаливой скуки», – означало не просто замену неудачного оборота удачным, но и бытового – высоким. С другой стороны, образ освобождался от штампов «высокого» романтического героя, которые совмещались с мотивом «мрачных» воспоминаний («Встречался мрачно я с тобой», «не прогоняли мрачных дум»). Набор штампов в духе романтической элегии:

Их вспоминая с умиленьем,
Я пролил много сладких слёз
И думал с тайным сокрушеньем:
Кто ж больше горя перенёс...

– сменяется в 1856 году непосредственным выражением чувств со смело введённой прямой речью:

Твержу с упрёком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь – жива и молода...

Так, стихотворение открылось трагическим мотивом конечным и безвозвратным – смерть: «Я посетил твоё кладбище...» – образ, пришедший на смену первоначальному сравнению: «Стою один как на кладбище...». И главное, Некрасов драматизировал своё стихотворение. Как в хорошей пьесе, характер проявился, как только появился конфликт, а конфликт проявился, как только появился ещё один характер, как только произошло столкновение («Другую женщину я знал»).

Характеры ожили и заиграли, перестали быть иллюстрацией к морали:

И думал с тайным сокрушеньем:
Кто больше горя перенёс -
Тот, по слабости позорной
Его бесплодно проклинал
Или кто радостью притворной
Его сквозь слёзы прикрывал?

Здесь все свелось к последнему обобщению, которое оказывалось лишь указующим перстом, вопросом, уже заключавшим ответ. Вместо характеров – иллюстрация притворной радости героини на предмет прямого противопоставления ей позорной слабости героя. В окончательном варианте является сам её живой образ, ее смех, ее глаза, во всей непосредственности и совершенно непроизвольно после удивительного слова «забудь»:

Забудусь, ты передо мной.

Стоишь – жива и молода:

Глаза блестают, локон бьется,

Ты говоришь: «Будь веселей»...

Некрасов не просто создает характер героини в лирическом цикле. Что уже само по себе ново, но и создает новый характер, в развитии, в разных, неожиданных даже, его проявлениях, самоотверженный и жестокий, любящий и ревнивый. «Я не люблю иронии твоей...» – уже в одной этой фразе вступления есть характеры двух людей и бесконечная сложность их отношений. Вообще же некрасовские вступления – это продолжение вновь и вновь начинаемого спора, ссоры, диалога: «Я не люблю иронии твоей...», «Да наша жизнь текла мятежно...», «Так это шутка, милая моя...».

Утверждая, что у Некрасова в цикле есть много героинь, а не одна героиня, Б.О. Корман говорит, что если бы была одна героиня, то в сходных условиях она вела бы себя одинаково [2, с. 304]. Здесь сказывается представление о характере, как он сложился в рамках реализма до Достоевского, когда характер оставался верным себе, когда можно было заранее предсказать, как поведет себя такой-то характер в таких-то условиях. В случае с рассматриваемыми стихами Некрасова этого уже нельзя сделать («Так это шутка, милая моя...»). У Некрасова характер остается верным себе лишь в неверности. Таков характер героини «панаевского» цикла. Он испытывается в разных ситуациях совсем не для того, чтобы доказать верность себе. Однако он и един, не разложен только на имманентные психологические состояния. Целый ряд сквозных примет объединяет стихи в единства:

такова *доминанта мятежности*. «Если мучимый страстью мятежной...» переходит к «Да, наша жизнь текла мятежно...».

Особое внимание следует уделить и многоточиям. Ими заканчиваются почти все произведения его интимной лирики. Это указание на фрагментарность, на неразрешенность ситуации, когда отдельное стихотворение превращается в небольшую главку одного большого романа.

Поэзия Некрасова не так уж проста, ибо принадлежит к тем явлениям подлинного искусства, которые всегда загадка и которые никогда и никем не раскрываются так, чтобы уже ничего не осталось сказать следующим поколениям.

Список литературы

1. Гуковский Г.А. Тютчев и Некрасов / Г.А. Гуковский. – М., 1987.
2. Корман Б.О. Лирика Некрасова / Б.О. Корман. – М., 1990.
3. Лотман Ю. Поэзия Пушкина / Ю. Лотман. – М., 1987.
4. Скотов Н.Н. Я лиру посвятил народу своему / Н.Н. Скотов. – М., 1985.